

Содержание

ИЗ ЦИКЛА «РАССКАЗЫ ОБ АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИИ»

Дьявол и Дэниел Уэбстер. <i>Перевод В. Гольшева</i>	7
Дэниел Уэбстер и морская змея. <i>Перевод У. Сапциной</i>	22
Якоб и индейцы. <i>Перевод В. Гольшева</i>	39
За зубом к Полю Ревиру. <i>Перевод И. Бернштейн</i>	54
Свобода достается недешево. <i>Перевод У. Сапциной</i>	72
Счастье О'Халлоранов <i>Перевод И. Бернштейн</i>	86
Непокорившийся. <i>Перевод У. Сапциной</i>	103
Джонни Пай и Смерть Дуракам. <i>Перевод М. Лорие</i>	121

ИЗ ЦИКЛА «ФАНТАЗИИ И ПРОРОЧЕСТВА»

Колокола пророчат. <i>Перевод У. Сапциной</i>	144
Кошачий король. <i>Перевод И. Бернштейн</i>	163
Док Меллхорн и жемчужные врата. <i>Перевод У. Сапциной</i> . . .	179
Рассказ Анджелы По. <i>Перевод М. Лорие</i>	200
Последний из легионов. <i>Перевод У. Сапциной</i>	219
Кровь мучеников. <i>Перевод В. Гольшева</i>	235
В Египет. <i>Перевод У. Сапциной</i>	253
При реках Вавилона. <i>Перевод У. Сапциной</i>	264

ИЗ ЦИКЛА «РАССКАЗЫ О НАШЕМ ВРЕМЕНИ»

Слишком ранняя весна. <i>Перевод У. Сапциной</i>	278
История о муравьеде. <i>Перевод У. Сапциной</i>	293
Выпуск Шлюпа Фэрчайлда. <i>Перевод У. Сапциной</i>	308
Все были очень милы. <i>Перевод В. Гольшева</i>	325
В городе повсюду. <i>Перевод У. Сапциной</i>	345
Очарование. <i>Перевод В. Гольшева</i>	358
Посещений нет. <i>Перевод У. Сапциной</i>	375
Провинциальная смерть. <i>Перевод У. Сапциной</i>	391

ИЗ ЦИКЛА «РАССКАЗЫ ОБ АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИИ»

Дьявол и Дэниел Уэбстер

Вот какую историю рассказывают в пограничном краю, где Массачусетс сходится с Вермонтом и Нью-Гэмпширом. Да, Дэниел Уэбстер умер — во всяком случае, его похоронили. Но когда над Топким лугом гроза, слышно, говорят, как раскатывается по небесам его голос. И говорят, если подойти к его могиле да позвать его громко и ясно: «Дэниел Уэбстер! Дэниел Уэбстер!» — задрожит земля и деревья затрясутся. И немного погодя услышишь басовитый голос: «Сосед, как там Союз стоит?» И уж тогда отвечай: «Крепко стоит Союз, стоит как скала в броне, единый и неделимый», а не то он прямо из земли выскочит. Так мне, по крайней мере, в детстве рассказывали.

И не было когда-то в стране человека больше его. В президенты он так и не вышел, но больше его человека не было. Многие надеялись на него почти как на Господа Бога, и ходили про него и про все, что его касалось, истории в таком же роде, как про патриархов и тому подобных. Будто бы, когда он речь начинал говорить, на небе проступали звезды и полосы; а раз он с рекой заспорил и заставил ее в землю уйти. Говорят, когда он лес обходил с удилищем своим, Самобоем, форель из ручьев прямо в карманы к нему прыгала — знала, что от него не увильнешь. А в суде он так говорил, что на небе ангелы подпевать начинали, а глубь земная ходила ходуном. Вот какой это был человек, и большая ферма его на Топком лугу была ему под стать. Куры у него росли — сплошь из белого мяса,

© Перевод. В. Гольшев, 2023.

до кончиков когтей, за коровами ухаживали, как за детьми, а у барана его, Голиафа, рога завивались как вьюн и прошибали железную дверь. Но Дэниел был не из фермеров-белоручек, он знал, чем земля живет; вставал он затемно и сам успевал присмотреть за всеми работами. Рот — что у твоего волкодава, лоб — гора, глаза — что уголья в топке, — вот каков был Дэниел в лучшие годы. А самое большое его дело в книги не попало, потому что тягался он с самим дьяволом — один на один, и не на живот, а на смерть. И вот как, рассказывают, это вышло.

Жил в Крестах, в Нью-Гэмпшире, человек по имени Йавис Стоун. Человек, надо сказать, неплохой, но незадачливый. Посадит он картошку — жучок сжует, посеет кукурузу — червь сложет. Земля у него была добрая, да только не впрок ему; и жена была славная, и дети, да только что ни больше ртов у него в дому — еды все меньше делается. У соседа на поле камень вылезет, у него валун вымахает. Купит он лошадь со шпатом — сменяет на лошадь с колером, да еще приплатит. Бывают же на свете такие люди. Но однажды все это Йавису опостытело.

В то утро он пахал и вдруг сломал лемех о камень — а вчера еще, поклясться мог, камня тут не было. Вот стоит он, смотрит на лемех, а правая лошадь закашлялась — тягучим таким кашлем, так что жди болезни и деньги готовь коновалам. А у двух ребят корь, жена прихварывает, и у самого нарыв на большом пальце. Нет больше сил терпеть. «Ей-ей, — говорит Йавис Стоун и глядит вокруг прямо-таки с отчаянием, — ей-ей, хоть душу черту продай! И продал бы, за два гроша продал бы!»

Сказал он этак, и стало ему не по себе, но, конечно, слов своих назад не взял, потому что ньюгэмпширец. А все же, когда солнце село и видит он, что слова его не услышаны, от души у него отлегло — потому что все-таки верующий. Только все бывает услышано, раньше или позже, и об этом в Писании сказано. И точно, на другой день примерно к ужину подъезжает в красивой коляске незнакомец в черном и вежливо спрашивает Йависа Стоуна.

А Йавис сказал своим, что это адвокат, приехал, мол, насчет наследства. Но сам он знал, кто это такой. Не понравился

ему гость, особенно как он зубы скалил, когда улыбался. Зубы белые, полон рот, и заточены, говорят, как иголки, но в этом я не поручусь. А еще ему не понравилось, что собака посмотрела на гостя, завыла и бросилась наутек, поджав хвост. Но, давши слово — хоть и не совсем, — Йавис не отступился, и пошли они с приезжим за сарай и заключили сделку. Йавису пришлось уколоть палец, чтобы расписаться, и незнакомец одолжил ему серебряную булавку. Ранка зажила быстро, но остался маленький белый шрам.

После этого дела у Йависа сразу пошли на лад, начал он богатеть. Коровы стали тучные, лошади гладкие, урожаи — соседям на зависть; молнии, бывало, по всей долине секут, а его сарай стороной обходят. Скоро стал он в округе одним из самых зажиточных людей. Предложили ему в окружную управу войти, и он вошел; поговаривать стали, что пора его выдвинуть в сенат штата. Словом, зажила его семья счастливо, можно сказать, как сыр в масле катаются. Кроме Йависа.

Первые годы и он не тужил. Это большое дело — когда человеку начинает везти, тут и голову потерять недолго. Конечно, случалось, особенно в ненастье, нет-нет да и заноеет белый шрамик. И раз в год, как часы, проезжал мимо в красивой коляске незнакомец. Но на шестой год он слез с коляски, и с этого дня Йавис Стоун лишился покоя.

Идет незнакомец нижним лугом, по сапогам тросточкой похлопывает — черные сапоги, красивые, но Йавису они еще в первый раз не понравились, особенно мыски. Поприветствовал его гость и говорит:

— Ну вы и молодчина, мистер Стоун. Знатное у вас, мистер Стоун, имение.

— Кому нравится, кому нет, — отвечал мистер Стоун, потому что он был ньюгэмпширец.

— Ну зачем же умалять свое трудолюбие? — сказал незнакомец легкомысленным тоном, улыбаясь во весь свой зубастый рот. — Мы же знаем, в конце концов, как вам это удалось, — ведь все поставлено согласно договору и спецификации. Так что в будущем году, когда срок... кхм... закладной истечет, жалеть вам будет не о чем.

— Вот насчет закладной, сударь, — промолвил Стоун и огляделся вокруг, ища подмоги у земли и неба, — у меня насчет нее появляются кое-какие сомнения.

— Сомнения? — говорит незнакомец, уже без прежней приятности.

— Ну да, — сказал Йавис Стоун. — Тут все-таки США, а я как-никак человек верующий. — Он прокашлялся и заговорил смелее. — Да, сударь, — сказал он, — я начинаю сомневаться, что такая закладная будет признана судом.

— Есть суды и суды, — отвечал незнакомец, лязгнув зубами. — Впрочем, мы можем еще раз взглянуть на документ. — И вытащил большой черный бумажник, полный каких-то листков. — Симпсон... Слейтер... Стивенс... Стоун, — бубнил он. — Ага! «Я, Йавис Стоун, на семилетний срок...» Кажется, все в порядке.

Но Йавис Стоун не слушал, потому что он увидел, как из бумажника выпорхнуло что-то другое. Мотылек словно бы, да не мотылек. Смотрит на него Стоун и чудится ему, будто он говорит тихим писклявым голосом, тонким ужасно, тихим ужасно — и ужасно по-человечьи: «Сосед Стоун! Сосед Стоун! Помоги мне, помоги ради бога!»

Но не успел Йавис и глазом моргнуть, как гость сорвал с шеи большой яркий платок, поймал в него это существо — прямо как бабочку — и начал связывать углы платка.

— Извините, что отвлекся, — сказал он. — Так вот, говорю...

А Йавис Стоун весь задрожал, как напуганная лошадь.

— Это голос Скряги Стивенса! — прохрипел он. — А вы его в платок!

Гость немного смутился.

— Да, правда, надо бы его в коробку поместить, — сказал он с ненатуральной ухмылкой, — но у меня там довольно редкие экземпляры, не хочется их стеснять. Что ж, случаются такие маленькие ляпсусы.

— Не знаю, что у вас там за ляпсусы, — отвечал Йавис Стоун, — только это голос Скряги Стивенса. А сам-то он живехонек! Ведь не скажете вы, что нет! Во вторник его видел — бодрый и прижимистый, как сурок!

— Во цвете лет... — промолвил приезжий, скорчивши постную мину. — Слышите? — В долине зазвонил колокол; Йавис Стоун слушал, и по лицу его катился пот. Он понял, что колокол звонит по Скряге Стивенсу и что Стивенс умер.

— Ох уж эти долгосрочные счета, — заметил незнакомец со вздохом, — до чего неприятно их закрывать. Однако дело есть дело.

Он все еще держал платок, и тошно было Йавису видеть, как он бьется и трепыхается в руке.

— Они все такие маленькие? — спросил он сипло.

— Маленькие? — повторил приезжий. — А-а, понимаю. Да нет, разные бывают. — Он измерил Йависа взглядом и осклабился. — Не беспокойтесь, господин Стоун, вы пойдете по первому классу. Я бы не рискнул держать вас не в коробке. Конечно, для такого человека, как Дэниел Уэбстер... для него нам пришлось бы построить специальный ящик — и даже тогда, полагаю, вас изумил бы размах крыла. Да, это была бы находка. Лестно было бы подобрать к нему ключик. Но в вашем случае, как я уже сказал...

— Уберите вы платок! — сказал Йавис Стоун и начал молить и кланчить. Но в конце концов выпросить ему удалось всего лишь трехлетнюю отсрочку — и то условно.

Если вам не приходилось вступать в такую сделку, вы не представляете себе, как быстро могут пролететь четыре года. К концу их Йависа Стоуна знает весь штат, поговаривают, не выдвинуть ли его в губернаторы, а ему это все не в радость. Потому что каждое утро он встает и думает: «Вот еще одна ночь прошла», а вечером, как спать ложиться, вспоминает черный бумажник с душой Скряги Стивенса — и до того ему тошно делается... Наконец стало ему совсем неважно, и вот в последние дни последнего года запрягает он лошадь и едет искать Дэниела Уэбстера. Потому что Дэниел родился в Нью-Гэмпшире, как раз в нескольких милях от Крестов, и все знают, что к землякам у него особенная слабость.

На Топкий луг Йавис приехал спозаранок, но Дэниел уже на ногах — толкует по-латыни со своими работниками, с бараном Голиафом борется, нового рысака испытывает и отрабатывает речи против Джона К. Кэлхуна. Но когда услышал,

что к нему пожаловал ньюгэмпширец, бросил все дела — такой уж был у него обычай. Угостил он Йависа завтраком, с каким пятеро не справились бы, разобрал по косточкам каждого мужчину и женщину из Крестов и наконец спрашивает гостя, чем может ему служить.

Тот отвечает, что дело вроде как о закладной.

— Давно я не брал дел по закладным, — говорит Дэниел, — да и не беру обычно, разве что в Верховном суде; но вам, если удастся, помогу.

— Тогда у меня в первый раз за десять лет появилась надежда, — говорит Йавис Стоун и излагает подробности.

Пока он рассказывал, Дэниел ходил по комнате — руки за спиной, то вопрос задаст, то пол глазами сверлит, словно буравами. Когда Йавис кончил, Дэниел надул щеки и выдохнул воздух. Потом повернулся к Йавису, и на лице его, как заря над Монадноком, занялась улыбка.

— Да, сосед Стоун, попросили вы у дьявола рогожу... — сказал он. — Но я возьмусь вас защищать.

— Возьметесь? — переспросил Йавис, еще не смея верить.

— Да, — сказал Дэниел Уэбстер. — Мне еще примерно семьдесят пять дел надо сделать и Миссурийский компромисс подправить, но я возьмусь. Ибо если двое ньюгэмпширцев не смогут потягаться с дьяволом, тогда нам лучше вернуть эту страну индейцам.

Потом он крепко пожал Стоуну руку и спросил:

— Вы спешили, когда ехали сюда?

— Да, признаюсь, не задерживался, — ответил Йавис Стоун.

— Обратно поедете еще быстрее, — сказал Дэниел Уэбстер и велел запрягать Конституцию и Кульминацию. Они были одной масти, серые, с белой передней ногой, и летели как пара подкованных молний.

Ну не буду описывать, как взволновалась и обрадовалась вся семья Стоуна, увидя, что к ним пожаловал сам Дэниел Уэбстер. У Йависа Стоуна по дороге сдуло шляпу, когда они обгоняли ветер, но он на это почти не обратил внимания. А после ужина он велел своим идти спать, потому что у него сугубо важное дело к мистеру Уэбстеру. Хозяйка хотела, чтобы

они перешли в залу, но Дэниел Уэбстер знал эти залы и сказал, что в кухне лучше. Там они и сели ждать гостя: между ними на столе кувшин, в очаге огонь жаркий, а гость, согласно спецификации, должен прибыть, когда пробьет полночь.

Казалось бы, Дэниел Уэбстер и кувшин — лучшей компании нельзя и придумать. Но тикают часы, и Йавис Стоун глядит все печальнее и печальнее. Глаза его блуждают, и хоть прикладывается он к кувшину — видно, что вкуса не чувствует. И вот, как пробило половину двенадцатого, наклонился он и схватил Дэниела за руку.

— Мистер Уэбстер, мистер Уэбстер! — говорит он, и голос его дрожит от страха и отчаянной отваги. — Ради бога, мистер Уэбстер, запрягайте коней и езжайте отсюда, пока не поздно!

— Вы везли меня в такую даль, сосед, чтобы сказать мне, что вам неприятно мое общество, — спокойно отвечает Дэниел Уэбстер и потягивает себе из кувшина.

— Жалкий я горемыка! — застонал Йавис Стоун. — Я вас заставил связаться с дьяволом и теперь сам вижу свое безрассудство. Пусть берет меня, если хочет. Я не очень этого домогаюсь, надо сказать, но я потерплю. А вы — опора Союза и гордость Нью-Гэмпшира. Вы не должны ему достаться, мистер Уэбстер! Вы не должны ему достаться!

Дэниел посмотрел на огорченного человека, который побелел и весь дрожал возле очага, и положил ему на плечо руку.

— Весьма признателен вам, сосед Стоун, — сказал он мягко, — за вашу заботу. Но на столе у нас кувшин, а на руках — дело. А я ни разу в жизни не бросал того и другого на половине.

И как раз в эту секунду громко постучали в дверь.

— Ага, — хладнокровно заметил Дэниел Уэбстер, — я так и подумал, что часы у вас немного отстают, сосед Стоун. — Он шагнул к двери и распахнул ее. — Входите! — сказал он.

Вошел гость — очень темным и высоким показался он при свете очага. Под мышкой он нес коробку — черную лаковую коробку с маленькими отдушинами в крышке. При виде коробки Йавис Стоун тихо закричал и забился в угол.

— Господин Уэбстер, если не ошибаюсь, — промолвил гость очень вежливо, но глаза у него загорелись, как у лисицы в чаше.

— Адвокат Йависа Стоуна, — сказал Дэниел Уэбстер, но глаза его тоже загорелись. — Могу ли я узнать ваше имя?

— У меня их изрядно много, — беззаботно отвечал гость. — На сегодняшний вечер, пожалуй, довольно будет Облома. Меня часто так величают в здешних краях.

С этими словами он уселся за стол и налил себе из кувшина. Водка в кувшине была холодная, но задымилась, когда потекла в стакан.

— А теперь, — сказал гость, улыбаясь и показывая зубы, — я приглашаю вас как законопослушного гражданина помочь мне вступить во владение моим имуществом.

И тут начался спор, горячий и упорный. Сперва у Йависа Стоуна еще теплилась надежда, но когда он увидел, что Дэниела Уэбстера теснят в одном пункте за другим, он только съехался в углу, не сводя глаз с лаковой коробки. Потому что ни вексель, ни подпись не вызывали сомнений — это было хуже всего, Дэниел Уэбстер вертел и так и сяк и стучал кулаком по столу — но уйти от этого не мог. Он предложил мировую; незнакомец и слышать о ней не хотел. Тогда он заявил, что имущество повысилось в цене и сенаторы штата должны стоять больше; гость же настаивал на букве закона. Он был великий юрист, Дэниел Уэбстер, но мы знаем, кто Царь юристов, как сказано в Писании, и похоже было, что Дэниел впервые встретил себе равню.

Наконец гость слегка зевнул.

— Ваше усердие в защите клиента делает вам честь, мистер Уэбстер, — сказал он, — но если вы не изволите привести других доводов, у меня туговато со временем...

И Йавис Стоун задрожал.

Дэниел Уэбстер нахмурился, как грозовая туча.

— Туговато или не туговато, а этого человека вам не видать! — загремел он. — Мистер Стоун американский гражданин, а ни один американский подданный не может быть призван на службу иностранному князю. Мы сражались за это с Англией в двенадцатом году и будем сражаться за это вновь со всеми силами ада!

— Иностранному? — повторил гость. — Интересно, кто это назовет меня иностранцем?

— Я что-то не слышал, чтобы дья... чтобы вы претендовали на американское гражданство, — с удивлением сказал Дэниел Уэбстер.

— А кто мог бы с большим правом? — осведомился гость с ужасной своей улыбкой. — Когда впервые притеснили первого индейца — я был там. Когда первое невольничье судно отплыло на Конго, я стоял на палубе. Разве нет меня в ваших книжках, рассказах и верованиях со времен самых первых поселенцев? Разве не поминают меня и сегодня в каждой церкви Новой Англии? Правда, на Севере меня почитают южанином, а на Юге — северянином, но я ни то ни другое. Я просто честный американец, как вы, и наилучших кровей, ибо, сказать по правде — хоть я и не люблю этим хвастать, — мое имя в этой стране древнее вашего.

— Ага! — сказал Дэниел Уэбстер, и на лбу его налились жилы. — Тогда я настаиваю на Конституции! Я требую суда для моего клиента!

— Дело это вряд ли обычного суда, — заметил гость, мерцая глазами. — Да и в такой поздний час...

— Пусть это будет любой суд по вашему выбору, лишь бы судья был американец и присяжные американцы! — гордясь, промолвил Дэниел Уэбстер. — Живые или мертвые, я подчинюсь решению!

— Ну и чудесно, — ответил гость, направивши палец на дверь. И вдруг за нею послышались шум ветра и топот ног. Отчетливо и внятно доносился он из мрака. Но не похож был на шаги живых людей.

— Боже мой, кто это так поздно? — вскричал Йавис Стоун, дрожа от страха.

— Суд присяжных, которого требует мистер Уэбстер, — отвечал незнакомец, отхлебнув из дымящегося стакана. — Извините, если кое-кто из них явится в неприглядном виде, — дорога у них неблизкая.

При этих словах в очаге вспыхнуло синим, дверь распахнулась, и друг за другом вошли двенадцать человек.

Если прежде Йавис Стоун боялся до полусмерти, то теперь он стал ни жив ни мертв. Ибо явились сюда Уолтер Батлер, лоялист, предавший огню и мечу долину Могавка во